

Валерий

Кораблев

ПО СЛЕДАМ ШЕСТНАДЦАТОГО

*«...Но кто же был шестнадцатый?»**Хотелось бы узнать его имя, но как?**Остается одно, спросить Вас, уважаемый читатель:**«Кто был шестнадцатый из группы Жангужина?»**Может быть, это каким-нибудь путем стало известно Вам?»***Саурбек Бакбергенов.***«Шестнадцатый, кто ты?»*

В 1975 году в пятом номере журнала «Простор» был опубликован очерк писателя-панфиловца Саурбека Бакбергенова «Шестнадцатый, кто ты?». В нем рассказывалось о подвиге 16 гвардейцев-панфиловцев, совершенном 19 февраля 1942 года у села Сутоки (ударение на букву о) неподалеку от города Холм Калининской, ныне Новгородской области.

Подразделения 1073-го гвардейского стрелкового полка более трех суток вели бой за село Сутоки, где оборонялось более 400 фашистов, вооруженных автоматами, пулеметами и минометами. Командир полка полковник И.Н.Иванов решил создать две ударные группы, которым предстояло пробить бреши в обороне противника, проникнуть в его тылы, уничтожить средства связи и штабы. Одну из ударных групп возглавили младший лейтенант Дмитрий Михайлович Волгапкин и политрук 1-й стрелковой роты Рашид Шаймерденович Жангужин. Стремительным броском группа ворвалась на окраину села и бросилась в штыки. Нервы у гитлеровцев сдали, враг отступил и занял запасной оборонительный рубеж. Разгоряченные успешной атакой, 16 бойцов во главе с Волгапкиным и Жангужиним бросились на гитлеровцев, засевших в отдельном сарае, и уничтожили их. Тогда противник подтянул роту автоматчиков, и горстка храбрецов оказалась в окружении. Наши воины укрепились в сарае и приняли бой. Окруженные превосходящими силами противника, более 6 часов отважные воины отбивали яростные атаки врага. Взбешенный упорным сопротивлением гвардейцев враг открыл по сараю огонь из минометов. Рухнула крыша, одна из мин разорвалась внутри. Смертью героев пали заместитель политрука Давид Галдецкий, Дмитрий Фролов, тяжело был ранен младший лейтенант Д.Волгапкин, ранены сержант Иван Сеницын и красноармеец Антип Горелов.

Спасая тяжело раненного командира мл. лейтенанта Д. Волгапкина, двое раненных бойцов – Сеницын и Горелов по приказу политрука Р. Жангужина через пролом в стене уползают под покровом ночи к своим, за помощью. Прикрывая их отход, политрук Рашид Жангужин успел крикнуть на прощанье:

– Товарищи, передайте нашим – будем держаться до последнего!

Обозленные небывалым упорством горстки советских солдат, фашисты зажигательными пулями подожгли сарай, из которого по-прежнему лились автоматные очереди. Когда от огня загорелась одежда, и совсем уже нечем стало дышать, политрук Рашид Жангужин, трижды раненый, коротко бросил:

– Будем пробиваться.

Фашисты остолбенели от ужаса, увидев, как открылась дверь сарая и из него в горячей одежде с автоматами и винтовками в руках, навстречу им в свой последний бой бросилась группа из 9 бойцов под руководством политрука Рашида Жангужина. Ведомые своим огненным комиссаром, красноармейцы сцепились в последней смертельной схватке с врагом... Но силы были неравны...

На следующий день вдохновленные героизмом своих товарищей подразделения 1073-го гвардейского стрелкового полка захватили село Сутоки. Мало кому из фашистов удалось остаться в живых. Политрук Рашид Жангужин был найден нашими солдатами с партийным билетом № 3741424, крепко зажатый в мертвой руке. Это уже позже поэт Семен Кирсанов в своем стихотворении в газете панфиловцев «За Родину!» 15 марта 1942 года написал:

Не в силах Рашид Шаймарданович
Сражаться огню вопреки.
В мелькании дыма и света
Под огненно-желтой рукой
Он красный квадрат партбилета
Обугленной вынул рукой.

...Вокруг сарая лежало более 150 трупов немецких солдат.

О подвиге 16 героев-панфиловцев узнала вся страна. Павел Кузнецов в своей поэме «Шестнадцать» писал:

...Галдели немцы. Громкими словами:
Со смехом провожали: «Русь горит!»
И страхом вдруг окованные сами,
Бросая автоматы, полегли.
На них из пламени в атаку шли
Объятые огнем богатыри
С гранеными российскими штыками...!

Герои с воинским почестями были похоронены в братской могиле у дороги, соединяющей город Холм с селом Сутоки.

Далее в своем очерке ветеран-панфиловец указывает, что «участники трагического боя – безымянны. Кто же они? В свое время фронтовые газеты сообщали об этом бое, он попал в исторические книги, но везде фигурирует одно слово – группа, группа... Желание найти фамилии и имена участников боя не давало мне покоя, собственно, это стало главной целью моей поездки» (добавим, в те места).

В ходе нее Саурбек Барбергенев побывал в городе Холм. Неподдалеку от него на одном из курганов насыпана четырехгранная пирамида, на которой стоит обелиск, увенчанный макетом ордена Великой Отечественной войны. И золотая строка:

«Слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины!».

Белокаменный обелиск окутан барельефом боевого знамени 8-й гвардейской дивизии, на нем изображены все ордена этой легендарной воинской части. Ниже высечено: «Здесь похоронены герои орденов Ленина, Красного Знамени, Суворова дивизии имени Героя Советского Союза генерал-майора Панфилова, погибшие смертью храбрых за освобождение Холмского края от фашистов». И следует перечень имен, во главе которого значится Рашид Жангужин.

Писатель, пробежав глазами по фамилиям героев, сразу понял, что его поиск далеко не окончен. На обелиске было высечено...сорок шесть фамилий. Как же выделить из них имена тех, кого он разыскивает? Ведь в этой братской могиле были захоронены и другие участники боя под деревней Сутоки. После месячных поисков в архивных документах Саурбек Бакбергенов почти достиг цели. В том же номере журнала «Простор» он опубликовал этот список:

- Р.Жангужин – Омск.
- Ж.Абилев – Чимкент.
- С.Аралбаев – Фрунзе.
- О.Базаев – Талды-Курган
- Е.Базаев – Талды-Курган.
- С.Голодецкий – Киев.
- И.Корчагин – Ярославль
- С.Мамыров – (неизвестно).
- К.Наурызбаев – (неизвестно).
- В.Прошкин – Калининская область.
- К. Трофимов – (неизвестно).
- А.Федоров – Кустанай.
- И.Фролов – (неизвестно).

Публикуя этот список, С.Бакбергенов надеялся, что среди читающих очерк найдется человек, который сможет сказать что-либо о семье кого-то из героев, сообщить хотя бы маленький факт из жизни любого из них. Это поможет продолжить поиски и восстановить картину подвига. С. Бакбергенов писал: «Я невольно задумался, представил себе детей, жен тех, кого я разыскиваю. Их тоже ждут, несмотря ни на что, ждут, хотя минуло больше тридцати лет... Мужественные люди, смелые воины из группы Жангужина заслуживают того, чтобы их ждали. И мне хотелось бы верить в то, что этот шестнадцатый, неизвестный мне солдат остался в живых. И где бы я потом ни находился, о чем ни думал, у меня не выходил из головы один вопрос: кто он, этот шестнадцатый, и жив ли он? Так хочется, чтобы он был жив».

И такой внимательный читатель его очерка в журнале «Простор» за 1975 год нашелся. И тайну «шестнадцатого» отгадал. И не только его! Были найдены в живых два участника того боя, в том числе командир той группы Волгапкин Дмитрий Михайлович и красноармеец Сихимбай Мамыров, чья фамилия выбита на том памятнике. Как это удалось сделать через 40 лет после того страшного боя? Об этом и других страницах поисковых экспедиций «Летопись Великой Отечественной» республиканской федерации туризма наш рассказ. Его автор 20 лет возглавлял республиканскую федерацию туризма Казахстана и 15 лет был бес-
сменным комиссаром поисковых экспедиций по местам сражений казахстанских дивизий в годы Великой Отечественной войны. Итак, обо всем по порядку.

До отъезда в поисковую экспедицию «Летопись Великой Отечественной»-81 по местам боев казахстанских дивизий – 8-ой гвардейской Панфиловской и 391-й Краснознаменных Режицких стрелковых дивизий, сформированных в Алма-Ате в 1941 году оставалось 3 дня, как всегда наполненных напряженным ритмом на работе и предподоходной суетой. В такие дни дорога каждая минута, чтобы успеть сделать как можно больше.

Мы собирались в Новгородскую (бывшую Калининскую) область, в те места которые в сводках Совинформбюро в годы Великой Отечественной войны носили несколько лирическое название – южнее озера Ильмень. А если быть точнее, то наш маршрут должен был проходить в районе самых кровопролитных боев воинов-казахстанцев на Северо-Западном фронте: Бологое – Валдай – Демянск – Старая Русса – Холм. Свой поход мы посвящали юбилею – 40-летию со дня формирования 8-ой гвардейской Режицкой ордена Ленина, Краснознаменной ордена Суворова дивизии имени Героя Советского Союза генерал-майора И.В. Панфилова и 391-й Режицкой Краснознаменной стрелковой дивизии.

Тот, кто жил шемящим чувством дороги, знакомым, наверное, не только туристам, уходя в отпуск в летнее время, знает, как много приходится делать в последние дни на работе, чтобы потом отдыхать со спокойной душой. Хотя слово «отдыхать» в контексте дел поисковых экспедиций говорено с большой натяжкой. Ведь дни поискового похода наполнены напряженным хождением по минным полям, хоть не в прямом смысле слова, но среди огромного количества неразорвавшихся авиабомб, мин и снарядов, десятков километров траншей и окопов, причудливо «украшенных» колючей проволокой – нашей или немецкой. Когда в 1981 году мы пришли в Пронинскую рощу под городом Холм, то было такое ощущение, будто бы машина времени перенесла нас в 41-й год. Вокруг воронки от мин и снарядов, заполненные водой. Кругом разбросаны многочисленные человеческие кости, обрывки морских бушлатов (здесь стояли на смерть моряки Аральской и Каспийской флотилии), ботинки, ящики из-под мин, телефонные трубки, котелки, снаряды, мины, многие из них еще не разорвавшиеся. Вообще Пронинская роща это своего рода Клондайк для поисковиков. Здесь поисковой работы хватит на много лет. Только кто ее будет проводить?

...Сырой туман стелется над болотистой низиной Пронинской рощи. Кочки, лужи да порыжелая трава и еще множество залитых водой огромных воронок. На поляне стоит ткнуть землю щупом и тут же даст знать о себе военное железо. И не только оно. Если щуп упирается в препятствие с глухим, обрывающим сердце стуком, значит, под травой – погибший. Это стук преследует нас на каждом шагу. И мы начинаем работу.

Темная вода воронки отражает деревья, стоящие над ней. Воронка полна костей. Это мы проверили. Ведро за ведром начинаем черпать воду. И так с утра до вечера. Сутками. По несколько недель в году. Пять, десять, пятнадцать лет...

Сегодня работы на несколько часов – предстоит выплеснуть из огромной чащи несколько тонн. А потом по пояс в грязи руками перебрать жижу, ощупывая каждый комочек – а вдруг? Речь идет о поиске посмертного солдатского медальона. Он представляет собой пластмассовый футлярчик, в котором должна лежать узкая полоска бумаги, в которой содержаться сведения о воине: ФИО, место рождения и проживания, призыва в армию, данные о родителях, жене, детях. Солдата или моряка давно уже нет в живых, и лишь этот клочок чудом сохранившейся бумаги

может о многом рассказать. А это очень важно, так как в ходе ожесточенных боев, когда еще в Красной Армии не было похоронных команд, командир, не зная как погиб солдат, писал его родственникам «Ваш отец (сын)... пропал без вести». А это было равносильно приговору о забвении солдата, ведь он мог оказаться в плену, что считалось позором для воинов Красной Армии.

Несколько лет мы работаем в одном месте. Здесь было когда-то поле боя. Сколько их еще в лесах под городом Холм. За время наших экспедиций нам удалось обнаружить останки многих наших солдат. В отдельных местах люди лежат вплотную друг другу. Как сейчас стоит перед глазами оплывший окоп неподалеку от деревни Гушино. На его бруствере лежат в полуметре друг от друга проржавевшие каски, винтовки, рядом гильзы с патронами. Причем, их медь за 40 лет даже не покрылась коррозией. Начали раскапывать окоп и сразу же увидели черепа в метре друг от друга и кости. Множество человеческих костей. Сразу же обнаружили солдатский медальон. Вскрыли его с трепетным ожиданием чуда – записки о бойце. Но чуда не произошло: медальон оказался пуст. Было такое поверье у солдат, что заполнение солдатских медальонов не к добру, поэтому многие из них были пустыми. И все же солдатский медальон (и особенно записка в нем), который был найден на правом берегу реки Ловать вблизи Холма, рассказал нам о рядовом Коротаеве Дмитрие Платоновиче – уроженце Восточно-Казахстанской области. О нем мы сообщили его родственникам, которые считали его без вести пропавшим. И как точно отражают суть этого сообщения следующие строки:

Я – без вести пропавший
в сорок первом –
вернулся в жизнь, чтоб
с вами говорить.

Это длинное отступление сделано не случайно, чтобы читатели поняли, насколько опасен и тяжел труд поисковика...

Накануне отъезда меня разыскал через радиопередачу «Отзовитесь ветераны», где я выступал, не поверите, брат погибшего политрука Наиль Шаймерденович Джангужин. Он то и подарил мне журнал «Простор» номер 5 за 1975 год с очерком «Шестнадцатый, кто ты?» и попросил сделать снимок могилы его брата у города Холм. Естественно, нельзя было отказать в просьбе ветерану-фронтовику. Так у нашей велоэкспедиции-81 появилась еще одна задача. Эта экспедиция была организована Казахским республиканским советом по туризму и экскурсиям. Она была шестой по счету. А первые наши походы по местам сражений казахстанских дивизий берут свое начало с 1975 года.

С чего начинался поиск? Если быть точным – то с памяти о не пришедшем с войны отце Резникова Анатолия Константиновича – нашего руководителя экспедиции. Более 35 лет он не знал, где находится могила его отца. Последним документом о нем в семье было извещение о том, что Резников Константин Васильевич пал смертью храбрых и похоронен вблизи г. Холм. И больше ничего. Неумолимое время день за днем, год за годом, как стремнина бурной реки, бесповоротно уходило в прошлое. Но память сердца времени была неподвластна. Это она призывала найти и отыскать все, что связано с именем погибшего отца! Об этом как-то сказал Анатолий мне, когда мы с ним завершили очень интересный и сложнейший велопоход по горам Северного Тянь-Шаня. Тогда, после этого разговора, было решено отправиться в поисковую экспедицию летом 1975 года. Так

человеческая память и боль одной семьи слились и стали неразрывно связаны с всеобщей памятью и горем, которые принесла нам всем война.

В 1975 году первый поход позволил узнать место захоронения Резникова К.В. и восстановить фамилии еще 143-х воинов-казахстанцев. В ходе поисковых экспедиций на чердаке старого здания, где в годы войны был госпиталь в деревне Подмолодь, мы нашли бумаги, в которых был указан список солдат, скончавшихся от ран и похороненных в этой деревне в братской безымянной могиле. На этом месте не было ни памятника, ни других полагающихся посмертных атрибутов. Мы обратились к руководству города Холм, в местный музей боевой славы, где собрано много реликвий с мест сражений воинов-казахстанцев. На следующий год совместными усилиями на месте братской могилы были установлены мраморные плиты с указанием фамилий 143 захороненных здесь солдат и офицеров из 391-й стрелковой дивизии. И что важно, 143 человека перестали быть без вести пропавшими. На гранитной плите среди 143 фамилий есть надпись – Резников К.В. Это фамилия отца нашего руководителя Анатолия Константиновича. Через сорок лет он наконец-то нашел могилу отца и его однополчан. Надо было видеть в этот момент состояние Анатолия Константиновича, внуки и внука погибшего ветерана. Как передать чувства сына, пережившего эту трагическую встречу с отцом через сорок лет после его гибели, чем измерить его скорбь и какие найти слова, чтобы выразить преклонение перед его любовью, памятью!

Поместив этот список в газете «Ленинская смена» в канун 9 мая 1982 года, мы получили отклик от 5 семей родственников погибших со словами благодарности. Среди них был сын политрука Егизекова – Роберт Егизеков, позвонивший мне буквально на следующий день. Он был сварщиком одного из строительных трестов города Алма-Аты, орденоносцем, сообщившим, что его отца считали без вести пропавшим 40 лет. Он воевал в 391-й стрелковой дивизии. Последнее письмо воина пришло из Калининской области. Роберт Егизеков попросил нас взять его с собой в нашу очередную экспедицию, чтобы увидеть могилу своего отца. И когда мы прибыли на место, он, увидев надпись на мраморной плите с фамилией отца, упал на колени и закричал: «Ата, ата!». Без слез не возможно все это видеть. Роберт тоже надеялся, что когда-то найдет могилу своего отца и вот благодаря нашей поисковой экспедиции, мечта его осуществилась. Такое не забывается!

...Мысли снова и снова возвращаются к подвигу 16 гвардейцев-панфиловцев. Проникновенные строки офицера-панфиловца Саурбека Бакбергенова, наполненные болью потери своих боевых товарищей, трудностью разрешения загадки о составе группы гвардейцев-панфиловцев, совершивших под руководством политрука Рашида Жангужина подвиг у деревни Сутоки 19 февраля 1942 года, не оставляли меня. Но не думал я тогда, что те боевые события и судьбы героев, описанные в очерке, станут для меня и моих товарищей такими же дорогими и близкими как для Саурбека Бакбергенова и Наиля Жангужина, что мы пройдем на велосипедах весь боевой путь 8—й гвардейской Панфиловской и 391-й Краснознаменных Режицких стрелковых дивизий до самой Праги, отыщем не только загадочного «шестнадцатого», но и найдем других, чудом оставшихся в живых героев и устроим им встречу через 40 лет. Но это будет потом.

Регламент поисковой экспедиции мы знали. Валентина Ивановна Панфилова, которая занималась «обустройством» Музея имени генерал-майора

И.В.Панфилова, часто просила нас привезти ей те или иные экспонаты с мест сражений. Их мы отправляли ей прямо по почте из Холма. А вот с собой мы привозили ей уникальные артефакты: документы военного времени – красноармейские книжки, профсоюзные и комсомольские билеты, часто простреленные, почтовые карточки, письма солдат, а также немецкие – аусвайсы (паспорта), немецкие листовки, приказы немецкого штаба, простреленное (прямо в сердце) удостоверение летчика-аса, сбитого под городом Холм, и многое другое, включая проржавевшее оружие. И особая наша гордость – врученное мною Валентине Ивановне Красное знамя из Брестской крепости (у нее было это фото). О нем рассказал нам на одной из встреч с ветеранами один из тех, кто первыми приняли бой с фашистами 22 июня 1941 года в Брестской крепости. А когда пришлось уходить из крепости, то он спрятал Красное знамя в стене этой цитадели. Он нарисовал нам чертеж, обозначив место, где было спрятано знамя, а уж найти его потом не составило особого труда. Сейчас знамя является частью экспонатов нашего музея в парке 28 гвардейцев-панфиловцев.

После той экспедиции под город Холм мы уделили особое внимание изучению литературы о боевом пути воинов-панфиловцев. Благо, стараниями ветеранов 8-й гвардейской Панфиловской дивизии было написано несколько книг воспоминаний, причем, изданных в разных городах нашей страны: П.С.Белана «В боях за Родину» (издательство «Казахстан», 1966 г.), «Казахстанцы на фронтах Великой Отечественной войны» (1969 г.), Н.П.Нищука «Великое не умирает» («Кыргызстан», 1981 г.), «Панфиловцы», воспоминания, составитель Дм.Снегин («Жалын», 1985 г.). Отдельно хочется сказать о книге Федора Селиванова «Панфиловцы», вышедшей в Госполитиздате еще в 1958 году. Именно она стала ключом к разгадке тайны «шестнадцатого». В книгах мы нашли довольно подробное описание того боя и упоминание об его участниках, причем пофамильно. А учитывая, что эти книги мы находили в разные годы, то полученные сведения о том бое и его участниках как бы последовательно дополняли друг друга. Все они позже стали основой логической цепочки наших заключений о составе той группы. Их потом дополнили воспоминания оставшихся в живых участников боя Сихимбая Мамырова и Дмитрия Михайловича Волгапкина, которых мы нашли благодаря традиционным встречам с ветеранами-панфиловцами.

Мы собрали в единое все публикации о том бое. Из различных его описаний события вырисовывались одни и те же, отклонения были лишь в деталях. В них содержался и ответ на вопрос С.Бакбергена, был ли шестнадцатый? Можно было смело ответить: их было шестнадцать, из них трое раненых покинули поле боя по приказу политрука Рашида Жангужина, чтобы спасти жизнь их командиру Д. Волгапкину и попросить помощи. Об этом говорят и архивные документы.

Уже после шестой нашей экспедиции-81 на встречах с ветеранами-панфиловцами мы интересовались, не знает ли кто места проживания Д.Волгапкина, спасенного двумя бойцами. И, наверное, не зря говорят, кто ищет, тот всегда найдет. Выяснилось, что по сведениям, собранным директором тогдашнего республиканского музея комсомольской славы Казахстана Бекешева Оразбая Ахметовича, Дмитрий Волгапкин проживает... во Фрунзе, об этом ему сообщил комиссар 8-й гвардейской Панфиловской дивизии П.Логвиненко. Можете представить наше нетерпение скорее отправиться во Фрунзе. Но все оказалось не так просто.

Вот что о том, чем закончились поиски в столице Киргизии, рассказал мастер спорта СССР по туризму Анатолий Константинович Резников:

– Во Фрунзе я встретился с Алексеем Алексеевичем Дубининым, который возглавлял совет ветеранов Панфиловской дивизии уже 15 лет. Он много рассказал об эпизодах военной жизни, о рукопашных сражениях и рейдах по тылам врага. Но, главное, он поведал о том, что командир группы 16 гвардейцев-панфиловцев Дмитрий Волгапкин действительно жив, но проживает не во Фрунзе, а недалеко от Москвы в деревне Крюково. Это нас окрылило. Но нас ждала и другая сенсационная находка: ветеран-панфиловец, просмотрев список участников того боя, указал на то, что возможно жив и еще один его участник – С.Мамыров. Но тот ли он герой, что сражался в деревне Сутоки, утверждать полностью не берется (вдруг это просто однофамилец), но считает вполне возможным счастливое воскрешение из мертвых. Такое на войне было не раз.

А.А.Дубинин отметил, что на ежегодных встречах ветеранов-панфиловцев С.Мамырова не видел. Одно знал точно, что он – панфиловец, призывался из Казахстана, и даже адрес его знал: Джамбулская область, Чуйский район, колхоз им. Жданова, ул. Клубная, дом 84.

Оказалось, тот герой! В это было трудно поверить, но это так! И вот я сижу рядом с ним, героем войны. Идет неторопливая беседа. А чуть раньше в райисполкоме, куда зашел, чтобы рассказать о нем, состоялся своеобразный митинг. Были аплодисменты в адрес Сихимбая Мамырова, и его товарищи по труду – работники Чуйского автотранспортного предприятия, председатель райисполкома и военком жали «воскресшему» герою руку. Все это организовала председатель райисполкома, на которую мой рассказ о нашей поисковой экспедиции, о подвиге 16 гвардейцев-панфиловцев у деревни Сутоки, фотография памятника под Холмом с выбитыми на нем фамилиями, среди которых значилась и фамилия С.Мамырова, произвел большое впечатление.

– Надо же, рядом жил скромный герой, кавалер двух орденов солдатской Славы, медали «За отвагу», а мы и не знали. В одной комнате с семью детьми ютился, ничего не просил, – сказала она и тут же распорядилась вызвать райвоенкома, работников автотранспортного предприятия, а также срезать розы в саду исполкома. Не думал никогда Сихимбай Мамыров, что вот так однажды пригласят его в райисполком, назовут Героем, вручат огромную кипу цветов и в течение двух дней решат вопрос о предоставлении новой двухкомнатной квартиры и пенсии, почти в 3 раза превышающей прежнюю.

И вот он, окруженный детьми, родственниками сидит рядом со мной и рассказывает. Как сейчас он помнит тот страшный бой 19 февраля 1942 года, смерть своих товарищей. И как рад был он услышать, что его командир чудом остался жив, и что скоро у него будет адрес, чтобы встретиться с ним. Долго рассказывал счастливый Сихимбай как воевал, о превратностях своей солдатской судьбы, как «трижды похоронен был заживо».

Когда семнадцатилетнего солдата призвали на фронт, застенчивый паренек из далекого казахского аула ни слова не знал по-русски. Однако науку воевать усвоил быстро. Не раз его товарищи восхищались снайперскими выстрелами воина. Во время того боя Сихимбай Мамыров метко разил врага с крыши сарая из пулемета. Одна из мин, разорвавшись под крышей, осколками ранила его в руку и ногу, но он остался в строю и вместе с красноармейцем Н.Базаевым помогал

своим товарищам набивать патронами диски автоматов. Очередная разорвавшаяся мина контузила его. Он потерял сознание и упал неподалеку от открытой двери сарая в снег.

Ночью после боя, очнувшись от холода, он пополз от страшного места, где лежали убитые его товарищи. Все ночь полз Сихимбай по глубокому снегу. Только под утро его подобрала солдата из соседней части и отправил в госпиталь.

С.Мамыров долго находился на излечении, а затем опять попросился на фронт чтобы мстить фашистам за гибель боевых товарищей. Он попал уже в другую часть, с которой дошел до Берлина. Он воевал в 712 полку 132-й стрелковой дивизии на Белорусском фронте. В 1944 году сам Жуков за форсирование Днепра представил его к званию Героя Советского Союза. Но не суждено было получить эту высокую награду из-за очередного ранения, так же как и за тот бой у села Сутоки. И вновь госпиталь, а затем фронт. Бои, где на подступах к логову фашистского зверя гибли лучшие друзья и товарищи, так и не дожив считанные дни до долгожданной Победы. Дошел до Берлина солдат из Казахстана. Расписался на стене Рейхстага и разрядил в воздух в первый день Мира свой автомат.

Это о таких, как он, сказал поэт – «похоронен был трижды заживо, погублял на чужой стороне». Трижды в родной аул приходили похоронки о гибели С.Мамырова. О том, как воевал солдат, свидетельствуют его награды – ордена солдатской Славы 2 и 3 степеней, медаль «За отвагу» и другие.

Вернулся домой. Женился. Воспитал семерых детей. До ухода на пенсию работал контролером в Чуйском автобусном парке.

Нельзя было без волнения слушать ветерана войны. Уходят годы, зарастают травой окопы и блиндажи, но остается неизменной память.

А память готова взорваться опять,

Лишь только ее вы затроньте.

Вы знаете, где нам пришлось воевать?

На Северо-западном фронте.

Это чувство старого фронтовика С.Мамырова очень тонко подметил в своих стихах поэт Михаил Матусовский, который воевал в тех местах.

После встречи с С.Мамыровым мы опять углубились в изучение материалов, книг, мемуаров. Нас интересовал окончательный список тех 13 бойцов, кто остался тогда в сарае. После долгих уточнений и сравнений тех списков, которые были опубликованы в различных военных мемуарах, мы пришли к выводу, что это были:

1. Жангужин Р.
2. Галдецкий Д.
3. Абилов К.
4. Аралбаев Е.
5. Базаев Н.
6. Базаев О.
7. Корчагин И.
8. Мамыров С.
9. Наурызбаев К.
10. Прошкин В.
11. Трофимов К.
12. Федоров В.
13. Фролов Д.

Указанные выше фамилии совпадают со списком бойцов опубликованных в книге Ф.Селиванова «Панфиловцы» на стр. 77, Н.П.Нищука «Великое не умирает» на стр.93-94, а также выбитых на памятнике под городом Холм. Отклонения есть только в написании четырех фамилий и некоторых инициалов. Так, например, у автора очерка С.Бакбергена проходит фамилия Жангужин, в то время как во всех других публикациях Джангужин (Джангожин или Джангозин). По свидетельству Наиля Шаймерденовича – брата погибшего политрука Жангужина, эта путаница произошла из-за ошибочной записи фамилии его брата в военном билете и правильно звучит как Джангужин.

Есть сомнения в написании фамилий красноармейца Прошкина В.И. Так, у Ф.Селиванова и Н.П.Нищука она указана как Прокшин. В других изданиях и на памятнике как Прошкин В. Все это предстояло еще выяснить, как впрочем, и фамилии Нарузбаев или Наурузбаев, а также Федоров или Федотов. Что касается фамилий и инициалов, выбитых на памятнике, то здесь вполне возможны некоторые неточности. Впрочем, прав автор очерка: «События описаны одни и те же, отклонения лишь в деталях».

Но самой удивительной для меня оказалась книга Федора Селиванова «Панфиловцы», вышедшая в Госполитиздате в 1958 году. Именно о ней я вспомнил, когда многократно прочитал очерк Саурбека Бакбергена. Внутренний голос подсказывал – отыщи ее в своей огромной домашней библиотеке. Почему-то казалось, что все, о чем писал автор очерка, мне было известно гораздо раньше и с другими подробностями. Поиск дал положительный результат. И вот я с некоторым трепетом держу в руках эту небольшую книгу. А может в ней тот самый ключ, который поможет найти «шестнадцатого»?

Книга «Панфиловцы» появилась у меня в 1958 году, когда мне – тогда пионеру одной из уральских школ – поручили реализацию художественной литературы среди товарищей. Я тогда честно выполнил пионерское поручение, продав более четырех десятков книг, оставив себе только эту в яркой красной обложке. Прочитав ее, я уже тогда узнал о подвиге 16 гвардейцев-панфиловцев. О нем я рассказывал на уроке истории, когда наша старенькая умная и добрая учительница Надежда Федоровна заставляла искать в книгах при подготовке к уроку истории примеры героизма советских людей в годы войны, которых не было в наших учебниках. Думал ли я тогда, что это небольшое издание, простоявшее в моей библиотеке 25 лет, станет ключом, позволившим во многом приоткрыть тайну «шестнадцатого».

В этой книге было дано подробное описание подвига Р.Жангужина и его товарищей. Так что вопрос С.Бакбергена о том, сколько все же человек участвовало в том бою и сколько предположительно уцелело, был решен окончательно: 16 человек, из них трое, в том числе мл.лейтенант Д.Волгапкин, И.Синицын и А.Горелов могли остаться в живых. Вот что было написано на стр. 77 книги Ф.Селиванова:

«К политруку Жангужину подползает окровавленный младший лейтенант. – Я все равно подбит! – сказал он политруку. – Ранены Горелов, Синицын. Один конец в бою... Попробуем пробиться к своим за помощью, а Вы держитесь».

Жангужин встал за пулемет и открыл сильный огонь по противнику. Под прикрытием огня трое раненых гвардейцев поползли к своей части».

Почти аналогично описан этот эпизод в книге «Великое не умирает» на стр. 93:

«Рухнула крыша и мина разорвалась внутри. Дмитрий Волгапкин, сержант Иван Синицин, красноармеец Антип Горелов были ранены. Через несколько минут смертью героев пали заместитель политрука Давид Голдецкий, красноармейцы Сугур Мамыров и Дмитрий Фролов.

По приказу Джангожина раненые взломали в задней стене доски и прорвались к своим. Прикрывая их отход, он крикнул им:

– Товарищи, передайте нашим, что будем держаться до последнего!».

Итак, первая находка: с младшим лейтенантом Д.Волгапкиным ушли раненые красноармеец Антип Горелов и сержант Иван Синицин. Это в дальнейшем подтвердил окончательно и сам Дмитрий Михайлович Волгапкин, которого мы разыскали. Таким образом, на вопрос, так долго волновавший С.Бакбергена, кто ушел с мл. лейтенантом Д.Волгапкиным, был найден окончательный ответ. И практически стал известен весь состав 16 гвардейцев-панфиловцев. Нашу уверенность подкрепляли списки этих воинов, опубликованных в двух указанных выше книгах, написанных по воспоминаниям панфиловцев с интервалом в 20 с лишним лет. При этом наиболее точно совпадали не только фамилии и инициалы бойцов, но и их воинские звания, и места, откуда они призывались

Таким образом, ответы на поставленные С.Бакбергеновым вопросы были в основном найдены. Теперь предстояло отыскать под Москвой Дмитрия Михайловича Волгапкина – командира той группы. Это удалось осуществить только зимой 1983 года.

Мы долго ждали этой поездки, приурочив наши отпуска к зимнему периоду. Зима в декабре была морозной, но для нас это не помеха, так как альпинистские пуховки да и радость долгожданной встречи согрели нас.

Казалось, что пригородная электричка слишком медленно движется в Крюково. В голове масса вопросов: «Он ли? Как встретит? Помнит ли тот бой?».

И вот на окраине города мы находим нужный нам дом. Очень волнуемся. Звоним в дверь. Ее открывает жена Дмитрия Михайловича – Екатерина Тимофеевна.

– Вам кого? – спросила она.

– Нам Дмитрия Михайловича Волгапкина.

– А его нет. Он ушел в магазин за молоком...

И вот мы сидим в комнате и смотрим на ветерана войны, которого мы искали столько лет. Чуть выше среднего роста, убеленный сединой, в военном кителе с капитанскими погонами, он выглядел очень молодо. На его груди сверкали боевые награды – орден Красного Знамени, полученный у собственного дома – за оборону деревни Крюково в 1941 году, орден Красной Звезды, медали «За отвагу» и «За боевые заслуги», а также ряд других наград. Награды серьезные, боевые, одной из них – орденом Красной Звезды Дмитрий Михайлович был награжден в 1942 году за то, что захватил в плен несколько немецких офицеров.

Дмитрий Михайлович заметно волнуется, вспоминая подробности того боя:

«Перед нами поставили задачу захватить сильно укрепленное противником село Сутоки. Два дня его безуспешно пытался захватить наш 1073-й полк. Тогда было решено создать ударную группу, чтобы ночью неожиданно ударить по окраине села, захватить его и дать возможность основным силам полка развернуть наступление.

В полночь наша группа в составе 60 человек вышла к краю леса. Рядом за глубокими снегами виднелись дома и сараи села Сутоки. Враг встретил нас плотным пулеметным огнем. Было потеряно несколько человек. Мы залегли в глубокий снег. Особенно докучал фашистский пулемет, расположенный на крыше ближайшего сарая. Я послал солдата с «лимонками», чтобы уничтожить этот проклятый пулемет, но он не дополз, сраженный вражеской пулей. Тогда я, захватив несколько гранат, осторожно пополз по снегу, тесно прижимаясь в снегу к мерзлой земле. Несколько раз пришлось замирать, делая вид, что убит. Казалось, что расстояние до сарая с пулеметом было бесконечным.

И все же мне удалось подползти к нему ближе. Приподнявшись, я бросил несколько гранат в сторону ненавистного пулемета. Он замолчал. В горячке я в начале не почувствовал, что был трижды ранен в ноги. Перед глазами поплыл туман. Падая, я увидел, как наши солдаты поднялись в атаку во главе с политруком Рашидом Жангужиним. В это время из-за сарая выехала немецкая танкетка и направилась в мою сторону. Чтобы не попасть под гусеницы, я на одних руках пополз к своим. Меня спасла от гусениц полужасыпанная снегом траншея, в которую я случайно свалился вниз головой.

Атака наших бойцов оказалась стремительной. Танкетку подбили. Сарай, с крыши которого строчил пулемет, был захвачен. Меня подобрал бойцы и перенесли в него. Опомившись, немцы вновь открыли огонь. Они били из дома, находящегося в 40 метрах от нашего сарая. Слышны были их крики: «Рус, сдавайся...».

Нас было 16. Большинство солдат еще совсем неопытные. Командование группой я передал политруку Рашиду Жангужину, с которым дружил и делил все тяготы фронтовой жизни. Не раз мы в боях выручали друг друга.

Вскоре от потери крови я потерял сознание... Очнулся уже в госпитале... Позже узнал, что в том страшном бою мои ребята уничтожили 150 фашистов и вместе с моим другом Рашидом Жангужиним все погибли».

Дмитрий Михайлович тогда еще не знал, что через год к нему приедет чудом оставшийся в живых Сихимбай Мамыров с женой. Несмотря на то, что прошло после того боя 40 лет, они узнали друг друга. За скорбной фронтовой чаркой вспомнили тот памятный бой, своих товарищей, политрука Рашида. Фронтовое братство не забывается.

Дмитрий Михайлович замолчал, взялся рукой за сердце, задумался...

– Дмитрий Михайлович, скажите, пожалуйста, спросили мы, – вот за тот бой Вы и Ваши товарищи получили награды или нет?

– Нет. Да я и не думал об этом. Родину защищали мы не ради орденов, – сказал он.

О том, что участники этого боя не получили награды писали позднее комиссар П.Логвиненко, редактор газеты «За Родину» Панфиловской дивизии Л.Макеев, С.Бакбергенов. Может наградные документы не попали в штаб, а может, были другие какие причины? Важно одно, что эти имена вошли в Летопись Великой Отечественной войны и надо сохранить их для истории. Конечно, было бы совсем не лишним посмертно наградить героев, в том числе чудом оставшихся в живых и найденных нами Д.М.Волгапкина и С.Мамырова. И очень жаль, что письмо подполковника Федюнина, адресованное, по свидетельству С.Бакбергенова, Маршалу Советского Союза Голикову, в котором автор описывает этот подвиг

и ходатайствует об установлении памятника на средства Министерства обороны СССР, не получило дальнейшего хода. И как тут не согласится со словами С.Бакбергенова, положенными в основу этой статьи.

Думается, что подвиг «огненного комиссара» Рашида Жангужина и его товарищей не должен быть забыт. Было бы правильным его именем назвать одну из улиц нашего города, а в экспозиции Музея Боевой славы имени Ивана Васильевича Панфилова поместить фотокопию прожженного партийного билета Р.Жангужина за № 3741424. Мужественные и смелые воины из его группы заслуживают это.

Никто и ничто не должно забыто потому, что священная память о павших в годы Великой Отечественной войны – это бесценное наследие, приобретенное самой дорогой и необратимой ценой жизни более 30 миллионов советских людей.

– А что было дальше? Как сложилась Ваша дальнейшая фронтовая судьба? – спросили мы у Дмитрия Михайловича.

– Месяц я пролежал в госпитале, затем опять вернулся в родную 8-ю гвардейскую Панфиловскую дивизию. Участвовал в боях, вновь получил ранение и попал в госпиталь. После него был зам. командира батальона, затем комбатом. Войну закончил, будучи в 7-й гвардейской дивизии в Берлине. 3 мая 1945 года я был ранен в последний раз: стрельнул в меня фашистский автоматчик. Сейчас на пенсии. Здоровье шалит – сказываются, видимо, фронтовые раны.

Дмитрий Михайлович опять замолчал, затем подошел к шкафу и достал книгу И.Легостаева «Во имя жизни», изданную в Таллинне в 1967 году.

– Посмотрите страницу 55. Там написано о моих погибших товарищах, – сказал он.

Мы с волнением открыли ее. Автор подробно описал тот эпизод боя 16 гвардейцев-панфиловцев, который почти полностью совпадал с уже услышанным. Там же перечислялись фамилии и имена героев: политрук Рашид Жангужин, красноармеец Остап Базаев, красноармеец Василий Прокшин, красноармеец Камиль Наурузбаев, красноармеец Александр Федотов, красноармеец Елюбек Аралбаев, красноармеец Конайбек Абилов, красноармеец Иван Корчагин, красноармеец Николай Базаев, красноармеец Сугур Мамыров, зам. политрука Давид Галдецкий, красноармеец Константин Трофимов, красноармеец Дмитрий Фролов.

– Дмитрий Михайлович, здесь точно указаны фамилии и имена ваших товарищей?

– Да, ребята! – сказал он.

Таким образом, все наши сомнения в правильности отдельных фамилий и имен, написанные в различных литературных источниках и на памятнике погибшим, наконец-то разрешились. А неточность в имени Мамырова – Сугур вместо Сихимбай пусть останется на совести военного очеркиста.

Оставалась неясной судьба сержанта Ивана Сеницына и красноармейца Антипа Горелова. Об этом мы и спросили Д.М.Волгапкина. Он грустно улыбнулся и сказал:

– Я им, как и тем моим ребятам, обязан жизнью. В сарае я несколько раз терял сознание от тяжелых ранений. Видя мои мучения, политрук Рашид Жангужин приказал раненым – И.Сеницыну и А.Горелову через пролом в стене сарая вы-

нести меня и на плащ-палатке любой ценой дотащить до своих. По дороге я несколько раз приходил в себя от холодного снега, коловшего лицо. Помню тяжелое дыхание бойцов, тащивших плащ-палатку по снегу в темную ночь. Очнулся я в госпитале. Что было потом с И.Синицыным и А.Гореловым, я не знаю. Пытался узнать об их дальнейшей судьбе, но безуспешно...

Спасибо, вам, ребята, за то, что разыскали меня, Сихимбая Мамырова, за то, что помните о тех, кто завоевал Победу.

Мы еще долго сидели у Дмитрия Михайловича Волгапкина, рассматривали фотографии из семейного альбома и расспрашивали хозяина. И не верилось, что наш поиск неизвестного «16-го» подошел к концу.

На следующий день мы уехали в Подольск, чтобы попасть в архив Министерства обороны СССР. Нам предстояло решить ряд новых задач, возникших во время поиска.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА.

«Я пытался вернуть из забвения имена и ратные дела тех друзей по оружию, которые по воле слепого случая остались безымянными, чье мужество до сих пор не оценено полной мерой. И тот, шестнадцатый. Кто он? Как хочется мне разыскать хоть бы его имя, которое пока неизвестно, но подвиг его переживет века».

Саурбек Бакбергенов. «Шестнадцатый, кто ты?»

Трудно не согласиться с последней строчкой очерка фронтовика. Мы сделали свое дело. Нас – участников поисковых экспедиций объединяла память павших. А это, пожалуй, самое главное. За 15 лет нами собраны бесценные боевые реликвии, в том числе Красное Знамя из Брестской крепости, фотографии и письма фронтовых лет, боевые награды, произведены захоронения найденных останков воинов-земляков и моряков-казахстанцев, найденных под городом Холм во время поисковых экспедиций, установлены имена 156, считавшихся ранее без вести пропавшими солдат, установлены два памятника, записаны многочисленные воспоминания ветеранов.

Конечно, поисковая работа во время своих трудовых отпусков – это не отдых на Черном море. Многие удивлялись, как мы могли свои отпуска вместе с детьми проводить рядом с войной, обшаривая десятки километров ходов сообщений, обвалившихся окопов и блиндажей, по лесам и болотам, выискивая в болотной жиже бесценные боевые реликвии. В поисковых экспедициях мы открывали новые неизвестные страницы Великой Отечественной войны, возвращали родным и близким имена без вести пропавших бойцов и командиров. А многие обыватели просто не представляют, сколько радости приносили наши порой скромные находки в семьи, которые ничего не знали долгие годы о судьбе пропавших без вести солдат и – их родственников. Ведь эту горькую ношу войны, потерю своих близких, многие люди молчаливо еще несут изо дня в день. Как хочется помочь им. Поэтому наш поиск по-прежнему продолжается.

